

Две чёрные точки на горизонте медленно, но верно увеличивались в размерах. Сомнений не было — это русские ладьи. Ушкуйники спешили к острову, который они прозвали русским словом Melkaa, имя это клочок суши в Норвежском море получил из-за мелководья. Здесь, пристав к берегу в уютной и достаточно глубокой бухточке, русские пираты делили захваченное в набегах на берега Финмарка и Халогаланда добро. Что ж, настала пора проучить их, показать этим разбойникам, кто хозяин на берегах холодного моря.

— Точно, это русские! — вскричал остроглазый Асмунд, забравшийся на самую макушку скалы, нависавшей над водой. — Ух, и зададим трёпку, надолго запомнят!

Поигрывая топором-бродексом, могучий воин Эгиль шагал к берегу.

Теперь и он убедился, что к острову спешат не датчане, промышлявшие китов, не шведы, не заплывающие иногда в эти воды шотландцы или англы, а отчаянные храбрецы-новгородцы. Оглянувшись на столпившихся возле драккаров соплеменников, Эгиль победно вскинул своё грозное оружие и прорычал нечто яростное и нечленораздельное как во времена оные воители-берсеркеры.

Боевой топор был предметом особой гордости северного воина. Он сделал бродекс не простым, а двухлезвийным, напоминающим античный лабрис. И горе тому, на кого обрушится удар двусторонней секиры! И дело было даже не в том, что в одном топоре соединилось два. Мастер выковал лезвия из волшебного камня, некогда обронённого небесным кузнецом Тором. Метеоритное железо встречается редко и

Анатолий Вадимович Беднов родился в 1965 г. в Архангельске, закончил исторический факультет Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова. Служил в Советской армии, работал в Архангельском областном музее избораительных искусств, избирался депутатом Архангельского городского совета. В СМИ — с начала 1990-х. Работал в газете «Правда Севера», журналах «Люди летают», «Деловой круг», в газете «Архангельск», где трудится и сегодня, печатается также в газетах «У Белого моря», «Новодинский рабочий». Пишет стихи, прозу, пьесы. Опубликовано сборник стихов и прозы «Поморская фантазия», сборники бесед в соавт. с А. Тутовым. Лауреат городских и региональных литературных конкурсов, интернет-конкурса «Наследники Толкиена», финалист Гринфеста-2020 «Остров надежды» в номинации «Поэзия». Печатался в российских и региональных журналах, альманахах, коллективных сборниках. Темы прозаических произведений — история, мистика, социальная сатира, притчи.

ценится дорого, не зря Эгиль берёт свою секиру как зеницу ока. Даже спал порой, не выпуская оружия из рук, чем немало смешил соратников: «У тебя что, секира — вместо супруги?», зато уж помахал ею вволю, немало разбил доспехов, расколотил щитов, съёл добрый десяток вражеских голов.

Да, страшная штука эта секира, а «помноженная на два» — страшная вдвойне. Теперь его разящую силу предстоит испытать новгородским ушкуйникам. Ладьи всё приближались, уже различимы были фигуры гребцов, налегавших на вёсла. Силы были примерно равны: у норманнов два драккара и у новгородцев две ладьи, воинов тоже примерно поровну. Эгиль погладил рыжую бороду, вновь потряс победоносной секирой, подмигнул соратникам, которые, в ожидании неминуемой схватки с врагами, преисполнились суровой решимости.

Новгородцы заметили людей на берегу и начали было махать руками и весело кричать, приняв их за своих соотечественников. Но, разглядев, что среди приморских скал кучкуются их давние противники — норги, которые уже приготовились отразить высадку русских, ушкуйники вместо приветственных слов стали выкрикивать оскорбления, некоторые (те, кто не сидел на вёслах) схватили луки и прицелились в стоящих на берегу скандинавских воинов.

Норги, заметив эти телодвижения, без команды подняли щиты, дабы укрыться от стрел. В следую-

щее мгновение щиты тех, кто стоял ближе всех к кромке воды, уподобились хвостам птиц — стрелы с перьями чаек и воронов торчали из них. Один воин вскрикнул и уронил меч — новгородская стрела впиалась ему в предплечье, к счастью, не задев артерию. Эгиль был единственным, кто брезговал носить щит, считая его признаком трусости. Стрела ударила в древко его бродекса и упала к ногам, воин презрительно растоптал её — луки он тоже презирал: настоящий боец должен поражать врага в честной схватке на поле брани, а не пущенной с безопасного расстояния летучей убийцей.

Отставив луки, ушкуйники выдёргивали из ножен мечи, размахивали смертоносными палицами и шестопёрами. Ладьи неумолимо приближались к берегу. Норги тоже изготовились к бою. Их было чуть меньше сотни — бывалых, закалённых в боях, штормах и многодневных странствиях по безлюдному океану вояк. Они часто испытывали голод, холод, боль и умели их претерпевать, как умели преодолевать и страх. Тела их были покрыты рубцами — следами былых сражений, они шагали по земле и бороздили море, следуя стезёй предков, поклонявшихся Одину и Тору, Ньёрду и Фрейру, но сами были воспитаны в лоне христианской религии, хотя назвать их благочестивыми христианами не решился бы ни один из святых отцов.

Новгородцы выпрыгивали из ладей прямо в воду и спешили к берегу. Среди них был высокий, широко-

плечий, бородатый детина с мечом в руке. Он криками подбадривал бегущих, подгонял отставших, громко гоготал и грозил норманнам своим клинком, поведение выдавало в нём вожака. Из-под низко надвинутого на лоб шелома метали свирепые искры жёлтые глаза. Новгородцы остановились шагах в пяти от норманнов, ощетилившись топорами, мечами, палицами, шестопёрами, копьями. Волны прилива омывали их сапоги, чайки кружили над головами.

«Нас примерно поровну», — думал Эгиль, вразвалку выходя вперёд. Навстречу ему шагнул предводитель ушкуйников.

— Ну, как думаешь, чья, возьмёт? — пророкотал новгородец.

Эгиль понимал по-русски и ответил неприятелю на его языке:

— Давай сразимся один на один! Кто победит, тому и надлежит владеть островом. Если ты одолеешь меня, мы навсегда уйдём отсюда, если победителем выйду я — твоим воинам придётся оставить его.

— Идёт! — после недолгого раздумья произнёс ражий новгородец. — Тебя хоть зовут-то как, а то зарублю неведомо кого...

— Эгиль, — отвечал норвежец. — Назови и ты своё имя.

— Василием наречён.

«У него меч из болотного железа, — думал Эгиль, глядя на грозное оружие врага. — Не чета моему бродексу, небесному дару. Хотя в умелых руках такой меч — страшная сила. Сейчас удостоверюсь, так ли это».

— Мы решим спор в честном поединке, — крикнул Эгиль сооте-

чественникам. — Кто одолеет, тому остров и достанется.

— Стойте, где стоите, — проорал Василий соратникам. — Будем биться, кто кого — меч или секира? Победителю достанется этот остров.

Сложно биться двумя столь разными видами оружия, но для бывалых воинов отразить мечом секиру и секирой меч — не проблема. Железо зазвенело о железо, высекая искры. Эгиль дрался без щита, и Василий отбросил щит. Сначала они кружили у самой кромки прилива, потом новгородец стал оттеснять соперника вглубь острова.

— Расступись! — крикнул Эгиль — и в толпе норвежцев образовался проход, куда устремились неистовые единоборцы.

Яростно атаковал Василий, Эгиль поначалу только защищался, но вот инициатива перешла к норманну. Русский воин оказался прижат к скале. Ещё немного — и... Изловчившись, предводитель ушкуйников резким движением отбросил врага. Получив пространство для манёвра, новгородец размахнулся и рубанул что есть сил, но Эгиль вовремя увернулся от удара. И следующий удар тоже впустую рассёк воздух. Внезапно скандинав поскользнулся на мокром валуне и упал навзничь, Василий, рыча и свирепо тараша на соперника волчьими глазами, хотел навалиться на него сверху, но Эгиль извернулся и ударил новгородца носком сапога по ноге.

Теперь уже русский воин повалился на спину, а Эгиль обрушил на него бродекс. Но в последнее мгно-

вание Василий откатился в сторону, и секира выбила искру из камня. В следующее мгновение меч ушкуйника едва не снёс норгу голову, но его спасла мгновенная реакция — клинок мелькнул перед самым носом воина. Новгородцы и норманны напряжённо следили за перипетиями поединка. Вот снова бойцы скрестили оружие и... Ловкий Эгиль профессионально отразил очередную неистовую атаку русского. Но и тот был не лыком шит: стоило противнику лишь на мгновение зазеваться, как меч перерубил древко секиры. Эгиль взревел и яростным ударом обломанного древка отбил, нет, отшвырнул меч врага. Оружие новгородца ударило об отвесную стену скалы — и переломилось: клинок рухнул под ноги русскому, в руке его осталась рукоять. Противники обезоружили друг друга.

Стоя друг против друга, они глубоко и часто дышали, будто кузнечные мехи: вздымалась широкая грудь Эгиля, под кольчугой новгородца перекатывались могучие мышцы, глаза их бешено вращались, словно точильные колеса, и металы искры гнева. Но всё горящее и кипящее рано или поздно остывает, — и раскалённый металл, и жирная уха, и гнев людской.

Норманн скосил глаз на лежащие среди камней лезвия бродекса, Василий бросил взгляд на сломанный меч.

— В этой схватке никто не победил, — констатировал он, отбросив толстое древко.

— Мы оба потерпели поражение, — переведя дух, произнёс ушкуйник.

— Давай сплавим наше оружие воедино, — после короткого молчания неожиданно предложил Эгиль. — И у меня железо, и у тебя тоже железо.

— Зачем? — удивился его противник.

— Наш кузнец сделает из сплава наконечник гарпуна, которым мы будем бить морского зверя, — сказал Эгиль. — А тебе, наверное, понадобится крепкий плотницкий топор — ведь новгородские владения покрыты дремучими лесами, надо расчищать землю под пашни и строить деревянные города.

— Спасибо за предложение, — ответил Василий. — Но мне нужен не топор, а хороший рожон для рогатины — ведь в наших дебрях много медведей. А ещё из металла можно выковать струны для нашего гусляра, который поёт о славных походах новгородских дружин.

— И нашему скальду нужны хорошие струны! — радостно воскликнул Эгиль.

— А ещё из этого металла можно выковать нательные крестики — православный для меня и латинский для тебя, — продолжил Василий. — А потом обменяемся ими в знак нашей дружбы, хоть мы и исповедуем разные веры. Хотя наш поп и твой патер будут против...

— Мы, воины Севера, привыкли думать и решать своим умом, — одобрил идею ушкуйника Эгиль. — Ты хорошо придумал. Отныне мы станем побратимами, и никакая сила не сможет больше столкнуть нас, посеять вражду и раздор между нами

и нашими людьми! И пусть твои и мои воины отныне беспрепятственно пристают к этому острову: ловят рыбу, чинят корабельные снасти, пе-

режидают шторм, залечивают раны.

Так предводители норманнов и ушкуйников отдали сломанное оружие кузнецу Руальду.